

Мордехай Альтшулер

**БОРЬБА ЕВРЕЕВ С НАЦИЗМОМ И УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ
В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В СССР:
СОВЕТСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Название статьи требует прежде всего определить разницу между «борьбой евреев с нацизмом» и «участием евреев в боевых действиях Советского Союза». Евреи сражались в гетто, в еврейских партизанских отрядах, в Еврейской бригаде¹ и т. п., и речь шла именно о борьбе евреев: все бойцы в этих формированиях были евреями, их участие в войне было следствием их еврейства и определялось особыми обстоятельствами еврейской судьбы и особым положением еврейского населения во время нацистской оккупации. Трудность возникает при необходимости дать определение действиям сотен тысяч бойцов-евреев, воевавших бок о бок с солдатами других национальностей. Солдаты эти тоже были евреями, но можно ли рассматривать их участие в боевых действиях как борьбу евреев с нацизмом?

Чтобы установить, в чем разница между этими двумя понятиями, выяснить, где проходит тонкая граница между борьбой евреев и участием евреев в боевых действиях, следует обратить внимание на мотивацию военнослужащих-евреев – именно мотивация подсказывает историку, в какой мере можно говорить о борьбе евреев с нацизмом и в какой – об участии евреев в общей войне. На это разграничение – а оно касается не только бойцов-евреев в рядах советской армии и партизанских формирований в СССР – следует обращать внимание и при рассмотрении советской и западной историографии. В качестве иллюстрации я хочу привести один из примеров героизма, проявленного евреем – бойцом Красной армии.

25 апреля 1945 года, когда Красная армия вела жестокие бои у Бреслау (ныне Вроцлав, Польша), Иосиф Бумагин, 1907 года рождения, уроженец еврейского местечка Городок и житель Биробиджана, закрыл своим телом амбразуру немецкого укрепления. Его

¹ Воинская часть в составе британской армии, созданная в 1944 году. Была сформирована из евреев-добровольцев, проживавших в основном в подмандатной Палестине. Насчитывала около 5000 бойцов, участвовала в боях в Италии (*прим. ред.*).

смерть обеспечила успех важной военной операции². Мотивы его поступка неизвестны; однако историку важно понять, был этот отчаянный шаг продиктован советским воспитанием и преданностью коммунистической партии (в которой Бумагин состоял с 1932 года), – или еврейским воспитанием и стремлением отомстить за кровь близких, зверски убитых в родном местечке и в других местечках Белоруссии, где Бумагин родился и вырос. А может быть, Иосиф Бумагин, столкнувшись в своей части с презрительным отношением к евреям (как сталкивались с ним евреи в других воинских частях), услышав, будто еврей не способен на самопожертвование, своим поступком пытался, как и многие другие, ответить на это обвинение?

Когда младшим командирам и даже отдельным солдатам приходилось принимать трудные решения, еврейство часто оказывалось центральным и наиболее весомым фактором. Так, когда воинское подразделение попадало во вражеское окружение и многие бойцы, не видя выхода, готовы были сдаться в плен, часто только солдат-еврей решительно возражал против такого решения – поскольку знал, что его, еврея, ждет иная судьба, нежели остальных, и что именно его товарищи по оружию могут сообщить немцам о его национальности. Поведение бойцов-евреев не раз определялось мотивами такого рода, и эти случаи следует рассматривать как борьбу евреев, как борьбу, обусловленную национальными соображениями. Само собой разумеется, в каждой конкретной ситуации на поведение человека влияет множество разнообразнейших мотивов, но это не освобождает историка от обязанности выявить те из них, которые были специфичны для еврейского солдата.

К советской и западной историографии следует применять разные критерии. В странах свободного мира историографию можно рассматривать как совокупность исследований и работ, написанных по определенной теме. Большинство этих исследований – плод индивидуального творчества ученых. И хотя ученый безусловно не полностью свободен от представлений, настроений и мнений общества, в котором он живет, его первым долгом оста-

² *Einikait*, May 1, 1946; Y. Davidovitch, "Baim keiver fun undzer folks-held" // *Folks-Shtime*, Dec. 13, 1959; M. Brukazh, "25 yor nokh der bafrayung fun Vaisrusland" // *Folks-Shtime*, Sept. 13, 1969.

ется интеллектуальная и научная честность, которая обязывает его относиться к рассматриваемому материалу объективно, пытаться вдохнуть жизнь в находящуюся в его распоряжении информацию, рассматривать историческое событие с различных точек зрения и делать выводы на основании фактов.

В глазах советского историка, однако, эти цели не обладают безусловной ценностью. Советская историография – это по определению марксистская историография, то есть она строится на априорном мировоззрении, предлагающем готовые объяснения изучаемым явлениям. В свободном мире дело обстоит иначе. Разумеется, историк может подходить к изучаемому предмету со своим мировоззрением – но только если он пытается по возможности сохранять объективность, только если исторический анализ оказывается призмой, сквозь которую он рассматривает идеологические и философские системы, – а не наоборот, как это происходит в СССР

Однако даже абстрактное мировоззрение менее губительно для советской историографии, чем практические требования к историку. *Советская историческая энциклопедия* 60-х годов прямо говорит: «Историческая наука [в СССР] заняла важное место в ряду общественных наук, призванных служить коммунистическому воспитанию трудящихся»³. Это заявление однозначно определяет общественно-воспитательную функцию всех общественных наук, в том числе и исторической науки.

Если такова цель историографии, то историческая правда не является первой заботой ученого. Скорее, используя историю, этот ученый преследует воспитательные цели. А поскольку цели воспитания масс устанавливаются коммунистической партией – иными словами, действующей властью, – историк в итоге служит текущим целям политического режима. Принимая во внимание эти обстоятельства, мы вправе считать советскую историографию в целом и историографию Второй мировой войны в частности заведомо ангажированной. Таким образом, внимание или невнимание советской историографии к еврейскому вопросу отражает позицию режима. Поскольку вся историография в СССР определяется упомянутой выше тенденцией, вполне уместно (по край-

³ *Советская историческая энциклопедия*. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 476.

ней мере в контексте обсуждаемой здесь проблемы) включить в категорию исторических публикаций не только исторические работы в традиционном смысле слова – основанные на архивных материалах, использующие научный аппарат и написанные подобающим ученому осторожным и точным языком, – но и литературу, стоящую на границе историографии: научно-популярные работы, воспоминания и разного рода статьи.

Советский историк, публицист, мемуарист изначально знал, что его труд должен служить политическим и воспитательным целям, и считал свою ангажированность само собой разумеющейся. Поэтому в процессе работы он пропускал материал через фильтр самоцензуры, отсеивая нежелательные – то есть не согласующиеся с политикой режима в данный момент – факты и события.

Крупные исследовательские работы, особенно коллективные, не раз обсуждаются научными институциями, от имени которых они пишутся, и во время этого процесса от ученых и писателей требуют избегать одних тем и подчеркивать другие. На последней стадии каждую публикацию проверяет официальный цензор, который следует прямым и косвенным директивам властей. Таким образом, мы не должны забывать, что любое научное исследование, выполненное в СССР, проходит несколько стадий проверок, от авторской самоцензуры до цензуры официальной. Все эти фильтры заостряют политический характер изданных в СССР исторических трудов и текстов, находящихся на грани историографии.

Становление советской историографии (в широком смысле этого слова), посвященной боевым действиям времен Второй мировой войны, началось уже в годы войны, когда публиковались статьи и брошюры, превозносящие героические поступки красноармейцев и партизан. Материалы такого рода продолжали появляться в печати во второй половине 40-х годов; «оттепель» вызвала новую волну публикаций о Второй мировой войне, затрагивающих темы и проблемы, на которые в конце сталинской эпохи было наложено табу.

Историческое осмысление боевых действий времен Второй мировой войны продолжалось в следующие десятилетия; количество накопленного материала не поддается обозрению. Достаточно сказать, что до середины 70-х годов в СССР было опубликовано более 9000 книг и брошюр о Второй мировой войне, а

также около 6000 статей на эту тему в научных журналах – и это не включая художественную литературу⁴. Разумеется, невозможно уделить внимание всем этим публикациям, но, обобщая, мы можем разделить их на шесть основных категорий.

1. Сборники документов (в виде книг или публикаций в исторических журналах), которые, как правило, включают в себя распоряжения коммунистической партии или других органов власти⁵. В материалах такого рода, охватывающих либо всю страну, либо определенные географические регионы, евреи не упоминаются и не могут упоминаться, ни прямо, ни косвенно.

2. Сборники документов, включающие отчеты боевых единиц, действовавших в составе Красной армии или в рамках партизанского движения. Пример такого рода публикации – трехтомник документов, связанных с партизанским движением в Белоруссии, изданный в Минске в 1967–1982 годах тиражом 10 000 экземпляров⁶. В этом сборнике упомянуты по крайней мере 150 партизан, имена которых указывают на их еврейское происхождение. И хотя национальность партизан не указана точно, публикации такого рода могут рассматриваться как важный первичный источник, который сообщает точные даты событий и предоставляет материал для сравнительного анализа различных свидетельств. Тем не менее из-за пристрастного отношения многих ученых, убежденных в том, что советские издания не содержат сведений о евреях, этот тип литературы не был достаточно исследован – хотя иногда только там можно найти упоминание о том или ином событии. Рассмотрим в качестве примера приведенный ниже отрывок из отчета партизанской роты им. Кирова от 16 июня 1943 года.

9 июня 1943 г., в три часа ночи, немцы окружили дер. Вулька 1-я (в 7 км от Луниница) и забрали 156 семей. Вывезли их в Лунинец в гетто... 11 июня 1943 г.

⁴ П.Н. Поспелов (сост.), *Советский тыл в Великой Отечественной войне*. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 190.

⁵ В пример можно привести сборник В.И. Нечипуренко и др. (сост.), *Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне, июнь 1941 г. – 1945 г.* М.: Политиздат, 1970.

⁶ *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941 – июль 1944: Документы и материалы*. В 3 т. Минск: Беларусь, 1967–1982.

*вечером была направлена группа партизан под командованием политрука Свитцова А., в гор. Лунинец к полицейским... которые связаны с [партизанским] отрядом, с задачей выпустить 150 семей из гетто. Эта задача с 11 на 12 июня 1943 г. была выполнена; 127 семей убежало, а 29 осталось в гетто*⁷.

Хотя нет ни малейшего сомнения, что речь здесь идет о евреях, автор отчета по каким-то соображениям не упоминает об этом. Не считают нужным сообщать об этом и редакторы сборника – чтобы не подчеркивать, что целью партизанских действий было спасение евреев. Таким образом мы видим, что еврейская тема замалчивается в подобных публикациях, хотя и не отсутствует полностью.

3. Специальные исследования, посвященные анализу военных, экономических и социальных аспектов действий Красной армии и партизанских отрядов на разных этапах советско-германской войны. Такого рода труды полностью игнорируют евреев (хотя имена особо отличившихся командиров-евреев иногда упоминаются).

4. Исторические труды общего характера, рассматривающие положение в СССР или в тех или иных географических и административных регионах во время Второй мировой войны. Наиболее известный из них – шеститомное исследование *История Великой Отечественной войны Советского Союза*. Подобного исследования удостоилась каждая союзная республика; достаточно привести в пример трехтомное издание *Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.* Такого рода научно-популярные публикации призваны воссоздать и осмыслить события, происходившие в стране или в определенном регионе в час тяжелых испытаний, в годы советско-германской войны.

Трудам третьей и четвертой категорий присуща отчетливая тенденция преуменьшать (хоть и не полностью игнорировать) роль евреев в войне с нацистами. Так, общая история Украины времен войны с нацизмом упоминает, что в героической обороне Брестской крепости принимал участие еврей Ефим Фомин⁸. Как правило, однако, национальность бойцов не упоминается. Более того, чтобы затушевать роль евреев в военных действиях, их име-

⁷ *Всенародное партизанское...* Т. 2. Кн. 1. С. 456.

⁸ І.Д. Назаренко и др. (сост.), *Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянсько-*

на и отчества указываются инициалами – эту систему постоянно использовал царский режим во время Первой мировой войны, когда речь шла об отличившихся в боях евреях.

5. Всевозможная мемуарная литература. Воспоминания о Второй мировой войне писали не только бывшие командующие фронтами, армиями и т. п., но и младшие офицеры и даже рядовые, служившие в армии или участвовавшие в партизанском движении. В этих книгах упоминаются многие бойцы-евреи, однако национальность их не указывается прямо и собственно еврейские черты не акцентируются. Когда речь идет об узбеках, украинцах или татарах, автор обычно намекает на национальную принадлежность своего героя (если не говорит о ней открыто), описывая его дом и семью, любимую им пищу и другие характерные черты, указывающие на этническое происхождение. Но еврей в большинстве мемуаров лишен каких бы то ни было национальных черт, и если его имя не указывает однозначно на его происхождение, трудно понять, что автор рассказывает о еврее.

Конечно, можно утверждать, что советские евреи, особенно молодые люди, воевавшие в рядах Красной армии или в немецком тылу, не обладали какими-либо характерными еврейскими чертами, что их происхождение никак не сказывалось на их поступках или реакциях, а потому эти черты, поступки и реакции и не находят отражения в мемуарах. Но такого рода утверждение не выдерживает критики. Возможно, молодой еврей из Москвы или Ленинграда действительно не имел никаких отличительных черт, но еврей, недавно покинувший свое местечко, свой *штетл*, – а таких евреев хватало в рядах Красной армии, не говоря уже о партизанском движении, – безусловно выделялся среди своих товарищей. Похоже, специфика еврейских образов в мемуарной литературе обусловлена прежде всего тем, что авторы, осознавая необходимость по мере возможности обойти молчанием вклад евреев в войну, стараются как можно реже обращаться в своих воспоминаниях к образам евреев.

В рамках этой общей установки авторы мемуаров, конечно, по-разному понимали, насколько уместны упоминания о евреях и как эти упоминания должны выглядеть. Цензоры тоже часто

руководствовались собственными представлениями о границах дозволенного. Таким образом, некоторые воспоминания выводят больше еврейских образов, некоторые меньше, но общая тенденция очевидна – приглушить эту тему, не избегая ее полностью⁹.

6. Сборники, посвященные Героям Советского Союза – выдающимся бойцам Красной армии и партизанского движения, издававшиеся почти всеми советскими республиками, многими областями и даже районами. В большинстве своем эти сборники состоят из кратких биографий и описаний заслуг и героических поступков; тексты обычно составлены журналистами или писателями, а иногда и профессиональными историками. Эти работы основаны не только на архивных материалах и документах, первоначально появившихся в прессе, но и на беседах и интервью с самими героями или членами их семей. Встречаются среди этих публикаций и статьи о выдающихся еврейских военных, родившихся или живших в том или ином регионе. Как правило, если герой был евреем, его национальность указывается; впрочем, правило это соблюдается не всегда. Эти сборники преследуют обычно три цели: увековечить память героев; воздать должное жителям региона за их вклад в войну с нацистскими захватчиками; подать пример молодому поколению. Сборники предоставляют довольно много информации о выдающихся еврейских бойцах.

Но и здесь почти никогда не рассматривается специфика мотивации бойца-еврея, и подвиг его описывается классическими советскими клише – смесью высокопарных фраз и напыщенных лозунгов. Кроме упоминания имени и национальности, еврейский боец изображается лишенным каких-либо существенных национальных связей и привязанностей, в отличие от других бойцов, национальная принадлежность которых не только обозначается указанием паспортных данных, но зачастую и особо подчеркивается.

⁹ Сравним две книги воспоминаний (И. Сацункевича и В. Агаджаняна), мы можем понять, насколько упоминание евреев в мемуарной литературе зависело от личности автора. Оба автора пишут о подполье и партизанском движении – в районе Минска (Сацункевич) и в окрестностях Могилева (Агаджанян). При этом Сацункевич почти полностью игнорирует роль евреев, Агаджанян же упоминает вклад евреев в войну с нацистами: И. Сацункевич, *Суровая быль*. Минск: Беларусь, 1969; В. Агаджанян, *Дороги партизанские*. Минск: Беларусь, 1979. Стоит отметить воспоминания А. Окоркова, который с любовью пишет о многих еврейских бойцах: А. Окорков, *Слово, ведущее в бой*. М.: Воениздат, 1980.

Таким образом, анализ основных категорий советских публикаций о советско-германской войне ясно указывает на тенденцию: преуменьшать роль евреев в войне и намеренно игнорировать борьбу евреев с нацистами. Напрашивается вопрос, в какой степени эта тенденция отражает общую установку советской историографии Второй мировой войны (установку, которая старается затушевать национальную проблематику), а в какой – ограничения, специфически связанные с упоминанием евреев.

Подход советской историографии к национальному происхождению бойцов Красной армии и участников партизанского движения во время Второй мировой войны неоднозначен. Желая подчеркнуть единство всех народов Советского Союза и показать, что все население страны несло тяжкое бремя войны в равной мере, историки и литераторы используют такие фразы, как «борьба советского народа», «война советских людей», «советские воины» и т. п. Действительно, именно в таком духе был выдержан ответ на обращение группы евреев в Институт истории Великой Отечественной войны при Министерстве обороны в сентябре 1976 года. В процессе подготовки к симпозиуму по еврейской культуре советские еврейские активисты обратились в это официальное учреждение с вопросом, изучает ли институт роль еврейского народа в войне с фашистской Германией. В устной беседе с организационной группой заместитель директора института Николай Шеховцов сообщил, что

...институт в своих публикациях информирует общественность об участии во Второй мировой войне всего советского народа и не выделяет при этом ни одну из национальностей, населяющих СССР¹⁰.

Ответ не противоречил истине, но он озвучивал только один аспект советской историографии. А ведь эта же историография (в самом широком смысле этого слова) считала своим долгом подчеркивать заслуги разных советских народов и их вклад в войну с нацистами. Выходили публикации, прославляющие роль народов каждой республики, каждой национальной области и т. п. Конечно, можно утверждать, что публикации эти основаны на

¹⁰ *Евреи и еврейский народ: Еврейский самиздат.* Вып. 15. Иерусалим: Еврейский университет, 1978. С. 36.

территориальном принципе, а не на этническом, но это утверждение не выдержит проверки фактами. Например, одна из глав трехтомной истории Украины во время Второй мировой войны носит название: «Вклад украинского народа в развертывание и укрепление Вооруженных сил СССР»¹¹. Немало научных статей посвящено участию представителей разных национальностей в войне¹², а роль киргизского¹³, белорусского¹⁴, армянского¹⁵ и других народов даже удостоилась особых книг. Грузинские историки превзошли всех, опубликовав труд о роли грузинского народа в освобождении Украины от гнета нацистского оккупанта. Отдельные главы этой книги посвящены участию грузинских бойцов в украинском партизанском движении, в освобождении Крыма и т. д.¹⁶ Все эти публикации основаны на национальном, а не территориальном подходе к обсуждаемой теме. Здесь ярко проявляется вторая тенденция советской историографии Второй мировой войны – подчеркивать вклад разных народов в войну с нацистами, и не по территориальному, а по национальному принципу.

Публикации такого рода подчеркивают преданность бойцов не только Советскому Союзу, но и своим национальным группам. Так, об украинских солдатах говорится, что они отличаются в боях, потому что хотят отомстить захватчикам за уничтожение культурных ценностей Украины, и т. п. Все намеки на подобные обоснования исчезают, как только речь заходит о солдатах-евреях. Отказ от обсуждения роли евреев в войне с нацистами, замалчивание борьбы евреев с нацизмом особенно заметны на фоне дуализма советской историографии.

¹¹ Назаренко, *Українська РСР*. С. 95–105. Отметим, что в русской версии того же издания глава носит название «Вклад Советской Украины в развертывание и укрепление Вооруженных сил СССР» (*прим. ред.*).

¹² См., например, статью: Я. Паўлаў, «Дапамога беларускага народа фронту летам 1941 г.» // *Весті Акадэміі навук БССР*. № 5. 1970. С. 114–123.

¹³ А. Казанский, *Киргизский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945 гг.* Фрунзе: Киргизгосиздат, 1954.

¹⁴ И. Кравченко, А. Залесский, *Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны*. Минск, 1959.

¹⁵ А. Мнацаканян, *Армянский народ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Ереван, 1954.

¹⁶ И. Бабалашвили, *Воины-грузины в боях за Украину в годы Великой Отечественной войны*. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969.

Советская еврейская историография тоже предполагала служение общественным и воспитательным целям. Идея публикации документов и статей о службе евреев в Красной армии во время советско-германской войны впервые была вынесена на общественное обсуждение Ильей Эренбургом на втором пленуме Еврейского антифашистского комитета в феврале 1943 года. Такие публикации рассматривались как орудие пропаганды, направленное против антисемитских утверждений о том, что евреи избегают службы в боевых частях и уютно устраиваются в тылу¹⁷. Но уже к середине 1944 года стало понятно, что план этот неосуществим. Эренбург писал в своих воспоминаниях:

Летом [1944] Совинформбюро¹⁸ попросило меня написать обращение к американским евреям о зверствах гитлеровцев, о необходимости как можно скорее разбить третий рейх. Один из помощников А.С. Щербакова – Кондаков – забраковал мой текст, сказал, что незачем упоминать о подвигах евреев, солдат Красной Армии: «Это бахвальство»¹⁹.

В контексте этой политики, очевидно, не было смысла обсуждать издание особой книги на русском языке – о роли, сыгранной евреями в действиях Красной армии.

И тем не менее еврейские общественные деятели делали все возможное, чтобы рассказать о доблести еврейских солдат хотя бы читателям-евреям. В 1943 году были опубликованы на идише три брошюры, посвященные евреям – Героям Советского Союза. Одна была составлена военным корреспондентом (и русским поэтом) Семеном Гудзенко и описывала подвиг Лейзера (Лазаря) Паперника, который сражался до последнего патрона, а когда боеприпасы кончились, взорвал себя вместе с немцами, пытавшимися взять его в плен²⁰. Вторая, принадлежавшая перу еврейского (писавшего на идише) писателя М. Хащеватского, рассказывала о Хаиме (Ефиме) Дыскине, который с одним орудием сумел остано-

¹⁷ "Tsveyter plenum fun Yidishn antifashistishn komitet in FSSR" // *Eynikayt*, March 15, 1943.

¹⁸ Советское информационное бюро, созданное в начале войны с нацистской Германией, отвечало за распространение официальной информации о военных действиях и за организацию пропаганды внутри СССР и за его пределами.

¹⁹ И. Эренбург, *Люди, годы, жизнь*. В 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 2. С. 322.

²⁰ S. Gudzenko, *Held fun Sovetnfarband – Leyzer Papernik* (Moscow: Der emes, 1943).

вить немецкую танковую атаку²¹. Третья, авторства Рахили Ковнатор, говорила об Иосифе Маковском, танкисте, отличившемся во время советско-финской войны²². В 1944 году увидела свет брошюра русского писателя еврейского происхождения В. Каверина, посвященная командиру подводной лодки Израилю Фисановичу, который в 1944 году был удостоен звания Героя Советского Союза²³. В 1946 году еврейский (писавший на идише) поэт Самуил Персов выпустил брошюру о Моисее Хохлове, удостоенном звания Героя Советского Союза за успешное форсирование Днепра, а в 1947 году вышла в переводе на идиш брошюра А. Безыменского о Давиде Драгунском²⁴. В 1948 году, накануне ликвидации еврейской культуры в СССР, Р. Ковнатор опубликовала брошюру о знаменитой еврейской летчице Полине Гельман²⁵.

Эти семь брошюр были построены по одной схеме: они содержали краткую биографию героя и рассказы о подвиге, за который он был удостоен звания Героя Советского Союза. Когда речь в брошюрах заходила о мотивах героического поступка, мотивация описывалась клишированными советскими фразами: как ответ на варварство гитлеровцев или как проявление преданности Коммунистической партии и Советскому Союзу. В некоторых брошюрах встречаются расхожие советские фразы того времени, такие как «верный сын советского и еврейского народов» и др. Брошюры, опубликованные на идише и адресованные исключительно евреям, демонстрировали, что у евреев тоже есть свои военные герои, как и у других народов, однако авторы даже не пытались анализировать мотивы поведения этих героев. И все же спустя долгие годы, когда несколько брошюр были переведены на русский язык (то есть стали доступны нееврейским читателям), редкие и невнятные намеки на возможные особые мотивы бойцов-евреев были скрупулезно изъяты.

²¹ M. Khashtshevatski, *Khayim Diskin – der Held fun Sovetnfarband* (Moscow: Der emes, 1943).

²² R. Kovnator, *Der held fun Sovetnfarband – Yoysef Makovski* (Moscow: Der emes, 1943).

²³ V. Kaverin, *Der held fun Sovetnfarband – Yisroel Fisanovitch* (Moscow: Der emes, 1944).

²⁴ Sh. Persov, *Moishe Khokhlov – der Held fun Sovetnfarband* (Moscow: Der emes, 1946); A. Bezymenskii, *David Dragunski* (Moscow: Der emes, 1947).

²⁵ R. Kovnator, *Held fun Sovetnfarband, Polina Gelman* (Moscow: Der emes, 1948).

Брошюра Самуила Персова о Моисее Хохлове содержит описание случайной встречи в одном из освобожденных местечек.

В одном селе, когда минометчики сидели в крестьянской избе и с аппетитом ели борщ, вошел еврей. Осмотревшись, он медленно проговорил:

– Среди вас есть еврей?

– Сыны всех народов, – сказал Гейнутдинов, а Хохлов добавил:

– Я еврей.

Гость так обрадовался, как будто встретил собственного сына.

– Я местный, – сказал он на идише. – Евреи жили здесь с незапамятных времен, а теперь я один остался из еврейского местечка. Просто вышел из могилы.

Кто-то из бойцов бросил:

– Эй, ты говори так, чтоб понимали все.

Хохлов вкратце доложил, что сказал еврей, а Ефим Иванов добавил:

– Так что же ты стоишь? Сядь, возьми мою ложку.

Гейнутдинов подтолкнул к еврею кусок хлеба, а кто-то другой – миску с борщом. Еврей ел борщ, а из глаз его текли слезы и капали ему на бороду. Он вытер их рукой, как ребенок, и опять обратился к Хохлову:

– Откуда ты и как тебя звать?

– Моя фамилия Хохлов.

– Еврей, а фамилия Хохлов?

– Да, да, – сказал Хохлов, словно оправдываясь. – Я из Дубровно.

– Да, Дубровно, – еврей опять перешел на идиш. – Когда-то там делали замечательные талесы.

Прежде чем уйти, еврей пожал руку каждому солдату.

– Не забудьте, дети мои, отомстите им за невинную кровь...²⁶

Этот отрывок мог бы намекнуть на особые чувства еврейского воина – и был изъят из перевода на русский, появившегося в печати в 1959 г. Тенденция исключать при переводе на русский язык еврейские мотивы отличает не только конец 50-х годов и более поздние времена – она была широко распространена уже в 40-е годы.

Три книги, занимающие особое положение в советско-еврейской историографии, недвусмысленно посвящены борьбе евреев с нацизмом: книга Авраама Суцкевера о Вильнюсском гетто, целая глава которой рассказывает о борьбе в гетто и в лесах; книга

²⁶ См. брошюру Персова, упомянутую выше (прим. 24), а также его книгу: С. Персов, *Очерки о героях*. М., 1959.

М. Елина и Д. Гельперна о партизанах из Каунасского гетто; и книга Г. Смоляра о Минском гетто, где особое внимание уделено сопротивлению в гетто и участию евреев в партизанском движении²⁷.

В 1947 году под названием *Мстители гетто* вышел в свет перевод книги Смоляра на русский язык²⁸. Достаточно бегло сравнить два издания, чтобы увидеть, что в русском переводе многое сокращено или выпущено, причем иногда речь идет об издержках перевода, а иногда – о намеренном изменении текста. Так, например, в издании на идише сказано, что с одобрения партизан подполье, действовавшее в гетто, решило основать самостоятельные отряды – еврейские отряды; но в русской версии слова, указывающие на то, что отряды были именно еврейскими, опущены, туманная формулировка говорит лишь о неких «собственных партизанских отрядах»²⁹. В другом месте речь идет о попытке создать объединенный партизанский отряд, куда вошли бы 40 вооруженных бойцов из гетто и 30 белорусов-железнодорожников³⁰. Формирование отряда застопорилось, и белорусы вернулись в город. «А что было делать евреям?», – спрашивает автор, подразумевая, что они не могли вернуться в гетто, как вернулись в город белорусы-железнодорожники. Здесь автор намекает на особое положение еврейских бойцов, которые действовали в совершенно иных условиях, нежели их белорусские товарищи. В русской версии этот намек исчез, и акцент, подчеркивавший уникальность борьбы евреев с нацизмом, был притуплен. В другом месте Смоляр цитирует советского партизанского командира: «Евреи из гетто выделяются в моем отряде храбростью в бою»³¹. В русском переводе эти слова опущены – из опасения, что нееврейский читатель увидит в них «еврейское бахвальство».

Подобные примеры (свидетельствующие о существовании различий между текстами на русском и на идише) показывают, что уже в 40-е годы существовала тенденция не подчеркивать

²⁷ A. Sutskever, *Fun Vilner geto* (Moscow: Der emes, 1946); M. Yelin, D. Gelpner, *Partizaner fun Kaunaser geto*. (Moscow: Der emes, 1948); Hersh Smoliar, *Fun Minsker geto* (Moscow: Der emes, 1946).

²⁸ Г. Смоляр, *Мстители гетто*. М.: Дер эмес, 1947.

²⁹ Ср. с. 73 издания на идише и с. 56 издания на русском языке.

³⁰ Smoliar, *Fun Minsker geto*, p. 73.

³¹ *Ibid.*, p. 119.

чрезмерно – сверх заранее определенной меры – еврейскую войну, особенно в публикациях, предназначенных и для нееврейских читателей. Эта политика добросовестно реализована и в последней книге, посвященной борьбе евреев с нацизмом (опубликованной на русском языке накануне ликвидации Еврейского антифашистского комитета). Название книги – *Партизанская дружба: воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны*³² – говорит о намерениях публикаторов. Большая часть очерков в этом сборнике написана неевреями; возможные особые мотивы евреев-партизан не упомянуты ни словом. Напротив: акцент ставится на братской дружбе, которая связывала бойцов – евреев и неевреев – в партизанских отрядах. Несмотря на все ограничения и вынужденные оговорки, книга свидетельствует о намерении доказать, что евреи тоже сражались во время войны (и не менее самоотверженно, чем представители других народов СССР), и тем самым опровергнуть антисемитские обвинения. Советская еврейская историография даже такого рода – бедная по содержанию, скромная по тиражу и строго ограниченная даже в упоминании еврейской проблематики – перестала появляться после ликвидации еврейской культуры в СССР в конце 1948 г.

Тем не менее замалчивание борьбы евреев с нацизмом волновало многих евреев в Советском Союзе, особенно на фоне повторяющихся снова и снова заявлений о том, что евреи избегали военной службы во время войны. Некоторые искали пути выразить свои чувства; в качестве примера можно привести статью Якова Кантора, появившуюся в варшавской газете на идише «Фолкс-штиме», а также действия А. Приблуды и Я. Бергмана, которые опубликовали в «Советиш геймланд» полный (насколько это было возможно) список евреев – Героев Советского Союза³³.

Эмоциональная необходимость доказать неевреям (а может быть, прежде всего как раз евреям) Советского Союза, что евреи

³² *Партизанская дружба: воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны*. М.: ОГИЗ, 1948.

³³ Y. Kantor, "Yidn oif dem grestn un vikhtikstn front" // *Folks-Shtime*, April 18, 1963; а также: "Zei zainen der shtolts fun undzer folk" // *Folks-Shtime*, May 5–6, 1965; "Undzer heimland hot zei gekroint mit rum" // *Sovetish Heimland*, № 5 (1970), pp. 43–47. См. также *Sovetish Heimland*, № 8 (1970), p. 40.

внесли не менее (если не более) достойный вклад в войну с нацизмом, чем другие советские народы, чувствовалась и в кругах активистов еврейского национального движения в СССР. Поэтому неудивительно, что полулегальные еврейские публикации («самиздат») уделяют много внимания роли, сыгранной евреями – бойцами Красной армии во Второй мировой войне³⁴. Большая часть сообщений на эту тему перекочевала в еврейский самиздат из советских официальных источников и поэтому естественным образом сохраняет их стиль и дух. Такие материалы, как и официальные публикации, например в «Советиш геймланд», были призваны почтить память и подчеркнуть роль евреев в войне и выразить протест против замалчивания этой темы в советской историографии. Их, однако, невозможно отнести к аналитическим научным работам.

Поэтому есть основания утверждать, что советская еврейская историография, касающаяся борьбы евреев СССР с нацизмом, не продвинулась дальше своей начальной стадии. Первые же попытки затронуть эту тему в рамках общей советской историографии были пресечены в зародыше при ликвидации еврейской культуры. Однако огромный интерес многих евреев к этой проблематике остался неизменным, особенно в свете бесчисленных советских публикаций о героизме, проявленном во время войны, публикаций, в которых героизм евреев намеренно замалчивался.

У истоков западной историографии, посвященной борьбе евреев с нацизмом, особенно в рядах партизанского движения на аннексированных территориях, стояли историки, которые еще недавно сами держали в руках оружие. Их работы, основанные на личном опыте и случайных свидетельских показаниях, не лишены были политической тенденциозности. Наиболее заметна в этом ряду книга Моше Кагановича *Участие евреев в партизанском движении в Советской России*, опубликованная в 1948 году Исторической комиссией при Союзе еврейских партизан в Италии. С явными политическими целями автор привел выдержку из при-

³⁴ Публикации еврейского самиздата в СССР переснимались и переиздавались в Израиле. В серии сборников «Еврейский самиздат», которую выпускал Еврейский университет в Иерусалиме, например, вышли в свет следующие работы: «Евреи в борьбе против гитлеровской Германии» (Вып. 9. 1975); Г. Шапиро, «Очерки о евреях – Героях Советского Союза» (Вып. 14. 1978); В. Вагнер, «Евреи в войне 1941–1945 гг.» (Вып. 18. 1979. С. 7–26); «Евреи на Малой Земле» (Вып. 19. 1979).

каза, якобы подписанного Председателем Президиума Верховного Совета М.И. Калининым, где помимо прочего говорится:

Поскольку враг ведет себя варварски и зверски и поголовно уничтожает советских граждан еврейской национальности, я приказываю предоставлять им преимущество при эвакуации в отдаленные районы СССР³⁵.

Этот приказ, которого автор, цитирующий его, никогда не видел (как он сам признавался в более поздних изданиях своей книги)³⁶, почти наверняка был вымыслом в духе ожиданий той эпохи – и до сих пор напоминает нам, сколь осторожен должен быть историк, используя материалы такого рода.

Сменилось поколение, прежде чем западная историография, затрагивающая эту тему, начала принимать научную форму, но и тогда речь, как правило, шла о территориях, аннексированных Советским Союзом во время войны. Еврейские общины этих областей были ближе к общинам Польши и Румынии, чем к советскому еврейству. В этих общинах ощущались присутствие и влияние довоенных еврейских политических движений и организаций, хотя они были формально распущены во время короткого периода советского правления. Более того, независимый исследователь имел доступ к достаточно обширному материалу о еврейских бойцах на аннексированных территориях, тогда как СССР в старых (до 1939 года) границах оставался белым пятном на карте историографии.

Поэтому неудивительно, что ранние исследования борьбы евреев с нацизмом и участия евреев в войне Советского Союза

³⁵ М. Kaganovitch (Moshe Kahanovich), *Der yidisher onteil in der partizaner-bavegung fun Sovet-Rusland* (Rome: Tsentrale historishe komisiye beim Partizaner-Farband in Italiye, 1948), p. 188.

³⁶ Соломон Шварц усомнился в существовании такого приказа еще в 1951 г. (Solomon M. Schwarz, *The Jews in the Soviet Union* [Syracuse: Syracuse University Press, 1951], p. 221). В расширенном издании своей книги, вышедшем в Тель-Авиве в 1954 г., Каганович пишет: «Согласно свидетельствам евреев, находившихся в начале войны в России, в конце 1941 года Президиум Верховного Совета издал указ о предоставлении преимущества в эвакуации еврейскому населению из районов, находящихся под угрозой немецкого вторжения. Согласно этим свидетельствам, властям на местах было приказано предоставить для этой цели специальный транспорт. Тем не менее документ, подтверждающий эти заявления, никогда не был найден» (Moshe Kahanovich, *Milhemet ha-partizanim ha-yehudim be-Mizrah Eiropa* [Tel-Aviv: Einot, 1954], p. 202). Автор повторяет то же самое в издании этой книги на идише, которое увидело свет в Буэнос-Айресе в 1956 году (Т. 1. С. 270).

сфокусированы на этих территориях. В этом контексте стоит упомянуть работу Дова Левина, посвященную евреям стран Балтии³⁷, книгу Ицхака Арада о евреях Вильнюса³⁸, книгу Шалома Холавского о евреях Западной Белоруссии³⁹, а также исследование Шмуэля Спектора о еврейских общинах Волыни и другие⁴⁰. Во всех этих работах авторы, изучая интересующие их регионы, рассматривают основные проблемы борьбы евреев с нацизмом и участия евреев в войне Советского Союза. Их исследования базируются на обширном и разнообразном материале, которые они старались проверить и критически проанализировать. Таким образом, существует корпус исторических работ о роли евреев аннексированных Советским Союзом территорий в войне с нацистами. О евреях СССР в его границах до Второй мировой войны известно гораздо меньше.

Принимая во внимание скудость доступных исследователю материалов, многие ученые отказывались заниматься этим предметом. Первым, кто взялся исследовать роль евреев – военнослужащих Красной армии во Второй мировой войне, был Йосеф Гури, который предпринял серьезную и систематическую попытку свести воедино разрозненную информацию, прежде всего о евреях, удостоенных звания Героя Советского Союза и занимавших посты в советском командовании. За ним последовал Дов Левин, который глубже проанализировал собранные Гури данные⁴¹.

Волна иммиграции из СССР в Израиль в 70-х годах пробудила новый интерес к участию евреев СССР в борьбе с нацистами; и именно этому интересу мы обязаны двумя очень подробными

³⁷ Zvi A. Braun, Dov Levin, *Toldoteya shel mahteret: Ha-irgun ha-lohem shel Kovna be-Milhemet ha-olam ha-shniya* (Jerusalem: Yad Vashem, 1962); Dov Levin, *Lohamim ve-omdim al nafsham: milhemet yehudei Lita ba-nazim, 1941–1945* (Jerusalem: Yad Vashem, 1974); idem, *Im ha-gav el ha-kir: lehima shel yehudei Latvia ba-nazim, 1941–1945* (Jerusalem: Yad Vashem, 1988).

³⁸ Yizhak Arad, *Vilna ha-yehudit be-ma'avak u-ve-kilayon* (Jerusalem–Tel Aviv: Sifriyat Ha-Poalim, 1976).

³⁹ Shalom Cholawski, *Al neharot ha-Niemen ve-ha-Dniepr: Yehudei Bialorusiya ha-Maaravit be-Milhemet ha-olam ha-shniya* (Jerusalem: Hebrew University in Jerusalem, 1982).

⁴⁰ Shmuel Spector, *Shoat yehudei Vohlin* (Jerusalem: Yad Vashem, 1986), pp. 229–317.

⁴¹ Yosef Guri, "Yehudim ba-'Zava ha-Adom' be-Milhemet ha-olam ha-shniya" // Yehuda Sluzki, Mordekhai Kaplan (eds.), *Hayalim yehudiim bi-zvaot Eiropa* (Tel Aviv: Maarakhot, 1977), pp. 135–148; idem, "Yehudei Brit ha-Moazot ba-milhama neged Germaniya ha-nazit" // M. Mushkat (ed.), *Lohamim yehudim ba-milhama neged ha-nazim* (Tel Aviv:

исследованиями о евреях в Красной армии. Одно из них – книга Гершона Шапиро *Евреи – Герои Советского Союза*⁴²; второе – труд Арона Абрамовича *В решающей войне: участие и роль евреев СССР в войне против нацизма*⁴³.

Обе эти книги служат как увековечению памяти героев, так и образовательным целям, однако они отличаются друг от друга структурой и содержанием. Книга Шапиро состоит из очерков о евреях – Героях Советского Союза, отобранных из советских источников (некоторые из них ранее появились в СССР как полуполюгальные публикации). Со многих точек зрения эти статьи выдержаны в характерном для СССР стиле. Книга рассказывает о евреях, отличившихся в боях, но автор не касается специфики борьбы евреев с нацизмом, даже когда советские публикации, на которых он основывается, дают основание затронуть этот вопрос. Тем не менее благодаря богатому собранному материалу эта коллекция очерков вносит важный вклад в исследование вопроса.

Книга Абрамовича, представляющая собой начальный том предполагаемой большой публикации, стала первой попыткой нарисовать исчерпывающую картину той роли, которую сыграли евреи в Красной армии. Автор проделал огромную работу, разыскивая информацию о героическом поведении евреев на поле боя в десятках книг воспоминаний и в сотнях статей, появившихся в СССР. Собранные сведения о евреях он поместил в контекст боевых действий на разных фронтах и на разных стадиях войны. Абрамович сделал все возможное, чтобы найти имена евреев, и педантично отнесся к военным деталям и обстоятельствам. Его книга сообщает о сотнях актов героизма, совершенных еврейскими бойцами, и содержит имена сотен евреев, разбросанных по всему быстро перемещавшемуся фронту. Использование почти исключительно советских источников наложило свой отпечаток на стиль книги и придало ей некоторую ограниченность. Но несмотря на недостатки работа Абрамовича может служить импульсом к дальнейшим исследованиям.

Maarakhot, 1971), pp. 20–75; Dov Levin, "Uvdot ve-haarakhot al ha-yehudim ba-Zava ha-Adom be-Milhemet ha-Olam ha-Shniya" // *Masua*, vol. 10 (1982), pp. 79–105.

⁴² Г. Шапиро, *Евреи – Герои Советского Союза*. Тель-Авив: изд. Г. Шапиро, 1982.

⁴³ А. Абрамович, *В решающей войне: участие и роль евреев СССР в войне против нацизма*, Тель-Авив: Б. и., 1982. В 1992 году, когда эта статья была уже написана, вышел второй том книги А. Абрамовича (прим. ред.).

Из обзора советской, советско-еврейской и западной историографии следует, что тема борьбы евреев СССР с нацистами до сих пор не стала предметом тщательного и исчерпывающего исследования. Большинство опубликованных до настоящего времени работ так или иначе затрагивают проблему борьбы евреев, описывая участие евреев в боевых действиях на том или ином участке борьбы с нацистами. Но кардинальный вопрос – была ли эта борьба обусловлена специфически национальными факторами и мотивами, и если была, то в какой степени, иными словами, насколько правомочно говорить о борьбе евреев с нацизмом – остается открытым и ждет научного исследования, которое использует не только советские публикации, но и свидетельства тысяч людей, живущих среди нас и способных осветить множество вопросов с новых точек зрения.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как "Jewish Warfare and Participation of Jews in Combat in the Soviet Union as Reflected in Soviet and Western Historiography," in Yisrael Gutman, Gideon Greif, eds., *The Historiography of the Holocaust Period* (Jerusalem: Yad Vashem, 1988), pp. 167-185.*

Перевод с иврита Кати Гусаровой.